

УДК 94(47)''1905/17''
ББК 63.3(2)52
К58

Кожин, Вадим Валерианович.
К58 Черносотенцы и Революция / Вадим Кожин. — Москва :
Алгоритм, 2016. — 304 с. — (Революция и мы).

ISBN 978-5-906861-21-4

Вадим Валерианович Кожин, писатель, историк и публицист, создал свое направление в российской исторической науке, которое позволило дать иную оценку событиям нашего прошлого и по-новому оценить многие проблемы нашей страны.

В книге, представленной вашему вниманию, В.В. Кожин подробно рассматривает историю русского революционного и так называемого «черносотенного» движения с 1905 по 1917 год. По мнению автора, «черносотенцы» являлись последним оплотом российской государственности, именно поэтому они подвергались ожесточенным нападкам со стороны революционного и либерального лагерей до тех пор, пока не были уничтожены окончательно. Как это происходило, автор показывает на многочисленных примерах, привлекая большое количество фактического материала.

УДК 94(47)''1905/17''
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-906861-21-4

© Кожин В.В., правообладатели, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

РЕВОЛЮЦИЯ И МЫ

Кожин Вадим Валерианович
ЧЕРНОСОТЕНЦЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Редактор С. Маршков
Художественный редактор Б. Протопопов

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.08.2016.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906861-21-4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. О возможной точке зрения на Российскую революцию	6
Глава 1. Кто такие «черносотенцы»?	18
Глава 2. Что такое Революция?	66
Глава 3. Неправедный суд	98
Глава 4. Правда о погромах	132
Глава 5. Истинная причина травли «черносотенцев» . .	175
Глава 6. Что же в действительности произошло в 1917 году?	215
Примечания	292

Введение

О ВОЗМОЖНОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ НА РОССИЙСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

История России в нашем столетии являет собой главным образом историю Революции. Я пишу это слово с заглавной буквы (так, между прочим, писал его полтора столетия назад в своих историософских стихотворениях и статьях Ф. И. Тютчев, хотя он имел в виду, понятно, европейскую — прежде всего французскую — Революцию, развертывавшуюся с 1780-х по 1870-е годы), ибо речь идет не о каких-либо пусть значительнейших, но все же отдельных революционных событиях, свершившихся в 1905, 1917, 1929 и т.п. годах, а о многообразной, но в конечном счете целостной исторической динамике, определившей путь России с самого начала нашего века и до сего дня.

В прошлом году исполнилось 80 лет со времени «пика» Революции Февральского и Октябрьского переворотов 1917 года; срок немалый, но едва ли есть основания утверждать, что историки выработали действительно объективное, беспристрастное понимание хода событий. И, конечно, мое сочинение — это именно и только опыт исследования, но, надеюсь, в той или иной степени пролагающий путь к пониманию нашей истории XX века.

Революция предстает как результат действий различных и даже, казалось бы, совершенно несовместимых социально-политических сил, ставивших перед собой свои, особенные цели. Общим для этих сил было отвержение российского социально-политического устройства, что

выражалось в едином для них лозунге «Свобода!», «Освобождение!», имевшем в виду ликвидацию исторически сложившихся «ограничений» в сфере экономики, права, политики, идеологии.

Характерно, что явившиеся на политическую сцену на рубеже XIX-XX вв. группы предшественников и большевистской, и вроде бы крайне далекой от нее конституционно-демократической (кадетской) партий с самого начала поставили этот лозунг во главу угла, назвав себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (его возглавил В. И. Ленин) и «Союзом Освобождения» (его глава И. И. Петрункевич впоследствии стал председателем ЦК кадетской партии).

Сегодня большевики и кадеты кажутся чем-то абсолютно чуждым друг другу, но вспомним, что видный политический деятель того времени П. Б. Струве сначала тесно сотрудничал с В. И. Лениным и даже составлял Манифест Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП; в ее рамках в 1903 году сформировался большевизм), а в 1905 году стал одним из лидеров кадетской партии.

Или другой — менее известный — факт: С. М. Киров (Костриков), вначале связанный с РСДРП, в 1909 году на долгое время оказался в русле кадетской партии, став даже ведущим сотрудником северокавказской кадетской газеты «Терек», и лишь накануне Октябрьского переворота «вернулся» в РСДРП(б), а впоследствии был одним из главных ее «вождей» (см. об этом, например: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. — М., 1996, с. 120-121).

Вообще необходимо осознать, что почти все политические течения начала XX века были, если выразиться попросту, «за Революцию», и переход Кирова из РСДРП к

кадетам вовсе не означал отказа от революционных устремлений. Мне, вероятно, напомнят, что большевики обличали кадетов как «контрреволюционеров». Но ведь и кадеты, в свою очередь, клеймили «контрреволюционерами» самих большевиков. И эти взаимные обвинения вполне закономерны и понятны: дело здесь прежде всего в том, что каждая из партий претендовала на главенство в Революции и, далее, в долженствующем создаться после ее победы новом социально-политическом устройстве.

Очень показательны в этом смысле «противоречие», содержащееся в 3-м издании «Большой советской энциклопедии». В статье о кадетях (ее авторы — историки А.Я. Аврех и Н. Ф. Славин) эта партия вместе с ее предшественником, «Союзом Освобождения», квалифицирована как «партия контрреволюционной либерально-монархической буржуазии» (т. 11, с. 389), однако в статье той же самой БСЭ «Союз Освобождения», составленной известным специалистом в этой области историографии, К. Ф. Шаццлло, читаем: «Большевики во главе с В. И. Лениным выступали против попыток «Союза Освобождения» захватить руководство революционно-освободительным движением и одновременно боролись за высвобождение из-под влияния либералов радикального крыла «Союза Освобождения»...» (т. 24, с. 272).

Если бы кадеты действительно были контрреволюционной партией, едва ли вообще мог встать вопрос об их «руководстве революционно-освободительным движением», и едва ли в этой партии имелось бы «радикальное (то есть особо «левое») крыло».

Тем не менее в сочинениях советских историков кадеты, как правило, предстают в качестве «контрреволюционной» силы, а «антисоветские» (эмигрантские, зарубежные и в настоящее время многие «бывшие советские»

или «пост советские») историки нередко усматривают «контрреволюционность», напротив, в большевиках, которые, захватив власть, не дали «освободить» Россию, — к чему, мол, стремились кадеты (а также эсеры, меньшевики и т.д.).

Как уже сказано, взаимные обвинения из уст кадетских и большевистских деятелей были естественным порождением политического соперничества. Однако совершенно иной характер имеют подобные обвинения, когда они появляются в позднейших сочинениях историков: эти обвинения означают, что историк по сути дела отказывается от беспристрастного анализа, который вроде бы призвана осуществлять историография, и рассматривает ход Революции как бы глазами одной из участвовавших в ней партий.

Сегодня всем ясно, что советская историография, изучавшая Революцию всецело с «точки зрения» большевиков, никак не могла быть действительно объективной (достаточно сказать, что роль большевиков в событиях 1903-1916 годов крайне преувеличивалась; на самом деле они обрели первостепенное значение только летом 1917 года). Но нынешние сочинения историков, фактически избирающих «точкой отсчета» для взгляда на Революцию кадетов либо, скажем, эсеров, в сущности еще более далеки от объективного понимания хода истории, — более потому, что кадеты и эсеры потерпели поражение, и смотреть на ход Революции их глазами — едва ли плодотворное дело.

Необходимо четко осознать принципиальное различие между задачами, встающими перед нами в отношении современности, настоящего, сегодняшней ситуации в политике, экономике и т.д., и, с другой стороны, теми целями, которые встают при нашем обращении к более или менее отдаленному прошлому, к тому, что уже стало историей.

Когда мы имеем дело с современностью, у нас есть возможность (разумеется, именно и только возможность, далеко не всегда осуществляемая) оказать реальное воздействие на ход событий, конечный результат которых пока неизвестен и может оказаться различным. Поэтому, в частности, вполне понятны и уместны наша поддержка той или иной политической силы, представляющейся нам наиболее «позитивной» и способной победить в развертывающейся сегодня борьбе, а также наше стремление воспринимать действительность с точки зрения этой силы. Однако в прошлом (что вполне понятно) уже ничего нельзя изменить, результат развертывавшейся в нем борьбы известен, и любая попытка ставить вопрос о том, что результат-де мог быть иным, в конечном счете вредит пониманию реального хода истории: мы неизбежно начинаем размышлять не столько о том, что совершилось, сколько о том, что, по нашему мнению, могло совершиться, и «возможность» в той или иной мере заслоняет от нас историческую действительность. Это, к сожалению, типично для нынешних сочинений о Революции.

Вместе с тем нельзя не видеть, что пока еще крайне трудно, пожалуй, даже вообще невозможно изучать ход Революции, полностью отрешившись от нашего отношения к действовавшим с начала XX века политическим силам. В более или менее отдаленном будущем, когда уместно будет сказать словами поэта, что «страсти улеглись», подлинная объективность станет, очевидно, достижимой целью. Но сегодня, в наши дни, когда на политической сцене появляются течения, открыто провозглашающие себя «продолжателями» дела тех или иных возникших в начале века партий (от радикально социалистических до принципиально «капиталистических») требования смотреть на Революцию с совершенно «нейтральной» точки зрения являются заведомо утопичными.

Проблему, встающую сегодня перед историками Революции, можно и важно осмыслить именно в плане соотношения прошлого, настоящего и будущего. Ясно, что любое исследование истории — это взгляд из будущего в прошлое, а исследование настоящего, современности (то есть предпринятое непосредственно в период разворачивания исследуемых событий) едва ли способно стать полноценным явлением исторической науки; оно представляет собой, скорее, явление политической публицистики, цель которой заключается не столько в том, чтобы беспристрастно познать ход событий, сколько в том, чтобы воздействовать на этот ход, стремиться направить его по наиболее «позитивному» (с точки зрения автора того или иного публицистического сочинения) пути. Это, конечно, не значит, что публицистика вообще не может нести в себе объективного понимания хода нынешних событий, но все же главная цель исследования современных событий (конечный итог, «плод» которых еще, так сказать, не созрел) естественно и неизбежно раскрывается как стремление способствовать тому или иному вероятному итогу.

Тот очевидный факт, что сегодня так или иначе продолжается политическая и идеологическая борьба, начавшаяся на рубеже XIX-XX веков (например, если выразиться наиболее кратко и просто, борьба между «капитализмом» и «социализмом»), побуждает прийти к существенному выводу: история России XX века (в отличие от истории XIX-го и предшествующих веков) еще не стала для нас в истинном смысле слова прошлым, мы еще в сущности не можем смотреть на нее из действительного будущего — то есть из иной, «новой» исторической эпохи, наступающей тогда, когда итоги предыдущей так или иначе подведены, и о них в самом деле можно судить беспристрастно.

Вместе с тем было бы, конечно, нелепо «отложить» на какое-то время изучение этой истории, а, кроме того, даже наиболее политизированное (скажем, догматически советское или заостренно антисоветское) исследование хода Революции все же способно выяснить нечто существенное — пусть и с определенными ограничениями и искажениями. Наконец, нельзя упускать из виду, что у современных историков, которые не отдалены от событий многими десятилетиями и тем более веками, есть и несомненные преимущества перед теми, кто будет изучать Революцию в условиях совсем иной, грядущей эпохи с ее особенными проблемами и настроениями (хотя, конечно, наши потомки обретут, надо думать, такую объективность взгляда на итоги Революции, которая нам недоступна).

И, рассуждая о непреодолимой «тенденциозности» нынешних сочинений об еще не ставшей «прошлым» Революции, я отнюдь не перечеркиваю усилия историков, основывающихся на той или иной «точке зрения» («большевистской», «кадетской» и т.п.); в конце концов эти усилия в своей совокупности способны дать многостороннюю картину. Я только предлагаю подойти к делу более ответственно и, прежде всего, более осознанно, чем это обычно имеет место. Если вдуматься, главные «недостатки» тех сочинений об истории XX века, которые основываются на «точке зрения» какой-либо из политических сил (большевиков, кадетов и т.д.) проистекают не столько из самой этой — по сути дела в настоящее время неизбежной — «политизированности», сколько из того факта, что она или не выявлена, или даже вообще не осознана авторами этих сочинений, преподносимых в качестве будто бы вполне «объективных». Открытое признание о сделанном автором такого сочинения выборе «точки зрения» дало бы существенную корректировку его анализа и его выводов.

В моем сочинении «точка зрения» или, вернее будет сказать, «точка отсчета» избрана вполне сознательно, и я говорю о ней с полной откровенностью: это крайне «консервативные» политические движения начала века, которые обычно называют «черносотенными».

Этот выбор вроде бы означает, что я оказываюсь в точно таком же положении, как и историки, которые сегодня избирают «точкой отсчета» большевиков, кадетов, эсеров и т.д. Ведь в настоящее время действуют если и не в полном — практическом — смысле слова политические, то идеологические силы, прямо и непосредственно считающиеся (и даже сами считающие себя) наследниками «черносотенцев» начала века. И, следовательно, мое сочинение будет являть собой не столько исследование истории, сколько выдвижение «черносотенства» в качестве программы для современной, сегодняшней борьбы в сфере идеологии и, в конечном счете, политики.

Однако мое сочинение в его целом, надеюсь, убедит каждого читателя в том, что программа «черносотенцев» не может «победить» — как не могла она победить уже и в начале нашего века... Впрочем, и здесь, в предисловии, уместно и должно сказать об этом хотя бы вкратце.

«Черносотенцы» начала века исходили из того, что преобладающее большинство населения России нерушимо исповедует христианско-православные, монархически-самодержавные и народно-национальные убеждения, которые составляют самую основу сознания и бытия этого большинства. Однако ход истории со всей несомненностью показал, что такое представление было иллюзорным. Ныне же, в конце века, лишь не желающие оглянуться вокруг, замкнувшиеся в мире чисто умозрительных построений люди могут надеяться на победу «черносотенных» идей (о политиканах, только делающих

вид, что они верят в соответствующий дух современного народа, говорить в данном случае незачем). И я избираю «черносотенцев» в качестве точки отсчета для взгляда на историю России XX века отнюдь не потому, что вижу в их идеологии вероятную программу грядущего пути России. События последнего времени (в частности, результаты различных избирательных кампаний) показали, что политические силы, которые в той или иной мере являются «наследниками» большевиков, или кадетов, или эсеров, могли получать более или менее широкую поддержку населения страны. Однако нынешние православно-монархические течения, так или иначе, но действительно «продолжающие» линию «черносотенцев» начала века, явно не имеют такой поддержки и не способны повести за собой значительные слои народа. Едва ли можно назвать хотя бы одного современного политического деятеля, который, открыто выдвинув последовательную православно-монархическую программу, победил на каких-либо выборах.

Говоря об этом, я, понятно, отнюдь не имею в виду патриотические устремления вообще, которые в той или иной ситуации были присущи и «советской» эпохе. Идеология «черносотенства» всецело основывалась на безусловной, так сказать, врожденной православной Вере, еще сохранявшейся к началу XX века в душах миллионов русских людей; подлинный монархизм и немислим без Веры, ибо монарх должен представлять как «помазанник Божий», находящийся на троне по Высшей (а не человеческой) воле.

И, повторю еще раз, я обращаюсь к «черносотенству» начала века вовсе не потому, что усматриваю в нем некий прообраз нашего будущего пути (по крайней мере — предвидимого сегодня будущего). Как раз напротив! «Черно-

сотенство» в данном случае нужно и важно в качестве во- площения не будущего, а прошлого.

Как уже сказано, мы еще по сути дела не можем смот- реть на Революцию из будущего; она в той или иной степе- ни остается не преодоленным настоящим, которое власт- но порождает стремление не столько познавать, сколько действовать — хотя бы действовать словом — и создавать скорее «программы», чем исследования хода истории.

Но если пока еще крайне труден или вообще немыс- лим взгляд на Революцию из беспристрастного будущего, есть основания попытаться взглянуть на нее из предше- ствавшего ей прошлого, которое как раз и являли со- бой на политической сцене начала века «черносотенцы». Могут возразить, что воплощением прошлого была преж- де всего сама тогдашняя власть — царь и его правительст- во. Но это едва ли сколько-нибудь верно; понимание рос- сийской власти начала века как всецело «реакционного» явления было первоначально внедрено в умы (и в сущно- сти остается в них и сегодня) боровавшимися с ней сила- ми — от кадетов до большевиков. Одна уже фигура пред- седателя Совета министров П. А. Столыпина, игравшего первостепенную роль в 1906-1911 годах, опровергает по- добное понимание, ибо «прогрессизм» явно преобладал в этом правителе над «консерватизмом». Так, осуществлен- ные тогда кардинальные изменения в судьбе миллионов крестьян превосходят по своей значительности все, что предпринимали до февраля 1917 года другие «прогрес- сивные» силы.

И вполне закономерно, что «черносотенцы», которые поначалу поддерживали политику Столыпина, решитель- но боровшегося с бунтами и террором 1906-1907 годов, позднее резко и даже очень резко выступали против его реформаторской деятельности, ибо смотрели на совре- менность всецело с точки зрения прошлого России.

Я отдаю себе отчет в том, что предложение смотреть на Революцию «из прошлого» может быть воспринято как сомнительный или по меньшей мере парадоксальный «метод». Но подчеркну еще раз, что по отношению к XX веку естественный для историка взгляд на прошлое из будущего вряд ли осуществим в наше время, и историография, так сказать, обречена смотреть на Революцию ее глазами (вернее, глазами той или иной действовавшей в ней политической силы). А обращение к прошлому, к принципиально «реакционной» политической силе дает — при всех вероятных оговорках — возможность увидеть Революцию «сторонним», то есть в какой-то мере объективным взглядом (между тем глазами большевиков, кадетов и т.п. мы неизбежно смотрим на Революцию не извне, а изнутри).

И если даже эта постановка вопроса воспринимается с полнейшей недоверчивостью, дальнейшее изложение, надеюсь, в той или иной степени убедит моих читателей в оправданности (пусть хотя бы частичной, относительной) предлагаемого «метода» исследования хода Революции.

И еще одно соображение. Уже было отмечено, что взгляд на Революцию с точки зрения кадетов или эсеров малопродуктивен, ибо эти партии потерпели сокрушительное поражение — и, значит, оказались недальновидными, не понимали или хотя бы плохо понимали, куда ведут события — в том числе события, вызванные их собственными действиями. Но ведь и «черносотенцев» скажут мне — постиг полный крах, — притом даже раньше, чем тех же кадетов; они фактически сошли с политической сцены уже во время Февральского переворота 1917 года, и (выразительный факт!) один из их известнейших предводителей, В. М. Пуришкевич, летом этого года объявил о своем присоединении к кадетам!

Однако в идеологии «черносотенцев» имелся, как будет показано, существеннейший момент: они, в отличие

от кадетов, эсеров и т.д., рано (не позднее 1910 года) и достаточно ясно осознали неизбежность своего поражения (я имею в виду, конечно, не всех участников «черносотенного» движения, а его основных идеологов). И это осознание дало им немалые преимущества перед «слепо» рвавшимися к победе кадетами, эсерами и т.д.; они гораздо лучше других политических сил понимали, к чему ведет Революция.